

Кладовая памяти

На склоне лет древнегреческий философ Демокрит, живший приблизительно в 460–370 годы до Рождения Христова, пришёл к незатейливой мысли: *«Сила и красота суть блага юности, преимущество же старости – рассвет рассудительности»*. К сожалению, к этой истине при всей её самоочевидности, мало кто до сих пор прислушивается. Напомню, что мыслителем Демокрит был необычным, он заглянул далеко вперёд и учением о мелкозернистом строении материи в общих чертах предсказал некоторые положения квантовой механики. К тому же, выдвинув идею о воздействии атомов на все человеческие чувства, он, таким образом, распространил своё учение на духовную и мыслительную деятельность человека. Оттого-то Демокрит был убеждён, что после телесной смерти душа остаётся бессмертной.

Наше время отличается от эпохи Демокрита тем, что некоторые высокоумные и щедро одарённые природой наши современники, среди которых и мои сограждане, силу и красоту молодости растрачивают невесть на что (в основном – на делание денег из воздуха), а к старости, как говорят, остаются с носом. И какой ожидать от них рассудительности, когда они едва шевелят мозгами – и то по инерции.

Сергей Львович Голлербах

Сергей Львович Голлербах, художник и писатель, живущий в Нью-Йорке, относится к антиподам подобных особ. По масштабу личности он похож на академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва, с которым был знаком. Сергей Голлербах свидетель многих событий, происходивших на его веку, и определённо принадлежит к порядочным и хорошим людям. Хороший человек, по представлениям того же Демокрита, – не только тот, кто избегает несправедливого житья, но даже в мыслях своих к нему не стремится. И величайший сын Эллады ещё добавлял к сказанному: *«Жить дурно, неразумно, невоздержанно – значит не плохо жить, но медленно умирать»*.

Сергеем Голлербахом на 95-м году жизни создано произведение, дерзкое по замыслу: объять необъятное с помощью острого ума, бесподобной памяти и художественного дара. Книга его новых эссе и зарисовок с натуры названа «Вспоминая... с улыбкой». Надо отдать должное её автору. Ему вполне удалось осуществить своё намерение в той степени, насколько это вообще возможно сделать литературными средствами. Эту книгу особенно интересно читать тем, кто знаком с его предыдущим сочинением «Свет прямой и отражённый», изданной в Санкт-Петербурге в 2003 году.

Книга Сергея Голлербаха «Вспоминая... с улыбкой», посвящена памяти его сына Льва, недавно ушедшего из жизни. Её воспринимаешь очередным фрагментом нескончаемой повести художника и писателя о людях и событиях довоенного, послевоенного и сегодняшнего времени.

К книге Сергея Голлербаха предпослан эпиграф – строчка песни из советского фильма 1936 года «Дети капитана Гранта»: «Капитан, капитан, улынитесь, ведь улыбка – это флаг корабля...».

Повествование, которое ведёт автор книги, местами напоминает речь знающего и умного экскурсовода, сопровождающего вас по залам Музея человека. А точнее – тех его залов, которые посвящены жизни человека в двадцатом веке. И вдруг эти серьёзные рассказы и мудрые рассуждения перебиваются какими-то анекдотическими историями и смешными бытовыми зарисовками. В общем, всякой повседневной бытовщиной. Почему появляются эти нарушения общего стиля? У Сергея Голлербаха есть на это своё объяснение: «Если человек утратит способность улыбаться всякой ерунде, то жизнь наша станет ещё тяжелей. Ерунда часто скрашивает жизнь. В Лувре висит картина французского художника семнадцатого века Жоржа де ля Тур – «Femme à la pipe» («Женщина с блохой»): вечером при свете свечи женщина давит блоху у себя на груди. Что это за сюжет для художника? Смехотворный. Но картина эта вызывает улыбку, а не смех. Мелочи быта простой женщины, явно одинокой... Жорж де ля Тур был, кстати, религиозным живописцем, известны его картины «Кающаяся Мария Магдалина», «Рождение Богородицы», «Детство Девы Марии». Но он знал и эти смешные мелочи быта. Один из героев комедии римского писателя Теренция изрекает: «Я – человек, и ничто человеческое мне не чуждо»».

Так и Сергей Голлербах идёт по жизни с улыбкой на губах. Впрочем, с улыбкой грустной и сочувственной. Автор с первых страниц объясняет читателю, почему в названии его сочинения появилось это слово: «...родившийся ребёнок сначала плачет, но потом, умытый, спелёнутый и сытый материнским молоком, он засыпает, а проснувшись – улыбается. Улыбка – первичнее всех других проявлений чувств, формирующихся в человеке по мере того, как он растёт. Мне кажется, что с улыбкой благодарности надо смотреть и на жизнь, вопреки всяческим невзгодам и бедам».

Сергей Львович Голлербах, как любой художник, «мыслит образами». Вот и память пожилых людей, для одних – отягощённую старостью, а для других – обогащённую «опытом быстротекущей жизни», он сравнивает с кладовкой, заваленной старыми вещами, когда-то служившими человеку, но затем оказавшимися ему ненужными. Но, как замечает автор книги, «приходит время, и вдруг по ассоциации с чем-то вспоминаешь забытое. Кулёчков и

коробочек у меня не так много, но всяких историй и наблюдений – целая коробка».

Из этих многочисленных миниатюр в прозе, которые Александр Солженицын называл «крохотки», узнаёшь для себя много всякого – неожиданного и любопытного. Например, почему на картине голландского мастера XVII века наряду с изображением молодого человека, девушки и старухи-сводницы, продающей эту девушку мужчине, ещё изображён и пёс с высунутым языком? Оказывается, «...в Голландии того времени собака была также символом бесстыдства, потому что она всё делает на виду». Или другой пример. Это уже из истории средневековой живописи. Сергей Голлербах рассматривает картину, висящую в музее Метрополитен, в центре которой «*«Мадонна с младенцем Иисусом, слева – Благовещение, а справа – св. Иосиф, мастерающий... мышеловки. Причём такие же, как сейчас: пружина, дужка, крючок для приманки. Почему мышеловки? «Чтобы ловить греховные мысли», – поясняет гид. Мыши – опасность. Даже в балете Чайковского «Щелкунчик» король мышей и его рать – враги героев. Одна постановка этого балета шла в костюмах по эскизам Михаила Шемякина. Моя добрая знакомая Шура Пурцеладзе видела эту постановку. «Понравилась она тебе?» – «Отвечу, как говорила моя нянюшка: отвернувшись, не наплюёшься»».*

Сергей Голлербах в своей прозе умеет ненавязчиво и убедительно переходить из прошлого к настоящему. Так происходит и в данном сюжете о мышах.

Вообще, надо заметить, у Сергея Голлербаха отношение к Михаилу Шемякину двойственное. Признавая с восклицательным знаком его мастерство, называя его талантливейшим художником, он столь же чужд его агрессивной эстетике уродства и апологии жестокости, особенно оглушительно воплощаемой в графике и скульптуре. Как писал Томас Манн в романе «Доктор Фаустус», есть чистая, неподдельная гениальность, которой Бог благословил человека и есть гениальность гибельная и порочная. Смысловая сущность искусства Михаила Шемякина противоречит взгляду на людей и мир не только Сергея Голлербаха, но, добавлю уже от себя, и его друга – поэта Владимира Высоцкого.

Снова процитирую Сергея Голлербаха, чтобы подытожить его рассуждения о произведениях Михаила Шемякина: «*Творчество этого художника чрезвычайно своеобразно. Я нашёл в нём некую склонность к некрофилии и ещё к чему-то трудно определяе-*

мому. Это же подметил и поэт, старый эмигрант из Эстонии, Юрий Иваск. Посмотрев на графику Шемякина, он сказал: «В ней Богом не веет»».

Был ли Илья Муромец евреем?

Сергей Голлербах в связи с национальным вопросом обращается к хрестоматийным русским богатырям: «Один мой знакомый сказал мне как-то: «А знаешь, что Илья Муромец был евреем?» – «Да ну?!» – удивился я. – «Вот, прочти былинку – там сказано, что Илья Муромец тридцать три года сиднем сидел. – Ничего подобного, он был хазаром, а они – еврейское племя. А в тридцать три года он крестился и стал нашим богатырём». В детстве я любил русские былины и картину Васнецова «Три богатыря». Были у нас, однако, и другие богатыри, например, Баська Буслав и Дюк Степанович, для которых на людей посмотреть, себя показать и набить морду татарину составляли главное занятие. И меня потянуло к рыцарям Круглого стола, Айвенго, Песня о Роланде и к рыцарским турнирам. А потом... служение Даме, защита её чести... Во всём этом заложены были благородство и красота. Впрочем, одного богатыря я запомнил, его звали Святогор-богатырь. Поверженный наземь противником, он получал от земли новую силу, вставал и побеждал врага. В этом заложено много смысла. Мой долголетний друг, увы, ныне покойный, замечательная поэтесса и замечательный человек Валентина Алексеевна Синкевич как-то пожаловалась мне на русскую песню о Стеньке Разине: «Серёжа, дружина упрекает его за то, что он её позабыл из-за персидской княжны, И что же этот герой наш делает? – Он её топит! Как можно это воспевать?!»».

Что уж говорить о простых людях, когда даже богатыри и герои, оказываются не без изъяна!

Раздумья Сергея Голлербаха о несовершенстве человеческой природы приводят его к рассказам, откуда родом он сам, его друзья и знакомые. Действительно, в нынешней России вопрос о родословной далеко не праздный. Теперь почти каждый тцится доказать, что его происхождение идёт не от тех простолюдинов, кто когда-то щи хлебали лаптем. Желаящим восстановить свои родовые корни во многом помогает интернет. А интернет, как известно, вроде волшебной палочки. Чего не закажешь, сразу принесёт на блюдечке с голубой каёмочкой и в ожидаемом виде – с девизом на родовом гербе.

Герои Голлербаха предстают перед нами в своих страстях и заблуждениях, со своими предрассудками, безверием и верой. Это известная американская художница Одри Ющенко, член Национальной Академии дизайна. С отцовской стороны – украинка, а с материнской – американка английских кровей. Она читает и говорит по-русски, ведь её отец – Андрей Павлович Ющенко, математик, философ, писатель, автор книги «Пророческий дар русской литературы», напечатанной по старой орфографии. Он скончался, когда его дочери было девять лет.

Это ныне покойный Саша Шкляринский, поэт с неудавшейся судьбой. Со стороны матери он русско-немецкого дворянского происхождения. Его род идёт от оруженосца вождя гуннов Аттилы: *«Однажды Аттила решил перепить оруженосца, но не смог, у того только зашумело в голове, как в песенке о чижике. А шум этот по-немецки – рауш. От оруженосца и пошёл род фон Раушей, и кто-то из них потом поселился в России».* Сергей Голлербах вспоминает старые «дворянские» слова, которые услышал от Саши Шкляринского. Они возвращали его в собственное детство. Например, слова «мальпост» и «серсо»: *«Мальпост – кто помнит сейчас это слово! Означает оно то, что по-английски называется «stroller», – не детская коляска, а своего рода «повозка для благородных детей». У меня мальпоста не было, я мог о нём только мечтать. Знал Саша и слово «серсо» – название игры, в которой маленький обруч ловят на палочку. Это была дворянская игра в своё время – как лапта, городки – игры народные».*

Это близкий друг автора книги писатель Леонид Денисович Ржевский (Суражевский). Со стороны отца он из старой дворянской семьи, в которой все её мужчины были кавалеристами, а французский род его матери – де Роберти. Этот род восходит к королю Людовику Девятому Святому.

Это русский инженер Лев Сергеевич с французской фамилией Термен, изобретатель электронной музыки. В 1938 году он вернулся в СССР из США, куда в своё время был послан на стажировку. Обращусь снова к книге Сергея Голлербаха: *«На родине он попал в ГУЛаг, работал там в «шарашке», изобрёл массу подслушивающих аппаратов, получил за них Сталинскую премию, после развала Советского Союза, уже девяностолетним стариком, посетил снова Нью-Йорк, повидал старых друзей – и вернулся на родину, где вскоре скончался, по слухам, вступив перед смертью в коммунистическую партию».*

Вряд ли в давние времена три сестры, богини судьбы в Древней Греции, определяющие участь человека и носящие общее имя Мойры, были способны на подобные изуверские и спонтанные импровизации, находясь за крутящимся веретеном, по крайней мере, две из них – Клото, прядущая нить жизни, и Лахесис, отмеряющая эту нить. Что касается третьей сестры по имени Антропос, которая обрывала нить жизни, то с такой работой справился бы любой идиот.

Вернусь, однако, к родословной создателя электронной музыки. Сергей Голлербах переносит читателя в Болгарию десятого века: *“Тогда там жил поп Богомил, утверждавший, что при сотворении человека Богом участвовал также ангел Сатанаил, который, возгордившись, утерял Божественное «-ил» и стал Сатаной. Поэтому-то в человеке и происходит борьба Добра и Зла. Мысль Богомила не исчезла и попала во Францию. Известен Каркассонский список – рукопись, а приверженцы богомильской ереси образовались в городе Альби и создали то, что стало называться «альбигойской ересью». Католическая Церковь, естественно, преследовала их, и один из альбигойцев бежал в Россию. Он был предком Льва Сергеевича Термена”*. Сергей Голлербах шутливо связывает изобретённую его другом электронную музыку с альбигойской ересью. Ведь она настолько же абстрактна и неестественна.

На страницах книги Сергея Голлербаха появляются многие другие русские писатели, поэты и художники, среди которых не нашлось никого чистых славянских кровей. *“Этим, – утверждает Голлербах, – подтверждается мысль, что человека определяет не национальность, а принадлежность к культуре. «Мама – немка, папа – грек, а я русский человек», – гласит старая поговорка”*. Да и самого автора книги принимали то за еврея, то за украинца, в последнем случае переименовав его фамилию на Голлербащенко.

Сергей Голлербах вспоминает старую дореволюционную историю с нашумевшим делом еврея Бейлиса, обвинённым в ритуальном убийстве мальчика – христианина по имени Андрюша Ющенко. Это была неправда, и суд усилиями русского адвоката Плевако оправдал Бейлиса. Тут самое время перейти к цитированию текста книги: *“Зная склонность людей верить всякого рода самозванцам, кто-нибудь мог бы выдумать такую версию: математик и философ Андрей Ющенко – ни кто иной, как чудом спасшийся мальчик Андрюша Ющенко. По возрасту всё совпадает. Что ж, ведь были у нас Лже-Дмитрий, Лже-Пётр Третий, он же – Пугачёв, Лже-Анастасия Романова... А лет тридцать*

тому назад в Нью-Йорке священник Русской Зарубежной Церкви Граббе признал одного поляка, спасшимся от расстрела в Екатеринбурге, цесаревичем Алексеем, сыном Николая Второго, и даже благословил его на царствование. Правда, Граббе вскоре устыдился и признал, что его, мол, «бес попутал», – добавив, впрочем, что сделал это «на благо монархическому движению».

Не вымирает в современном мире порода самозванцев, даже с большим размахом расширяется это авантюрное племя. Не от того ли сегодня так беспокойно жить на Земле? Совершенно ясно, что дрожжи, на которых восходят амбиции самозванцев, – желание во чтобы то ни стало получить власть над людьми. Сергей Голлербах, комментируя эту ситуацию, делает парадоксальный вывод: *«Говорят, что власть развращает. Да, и свобода развращает, – не всех, но многих».*

Сергею Голлербаху много есть чего сказать поучительного о каждом человеке, встреченном на его жизненном пути. Будь то коллекционеры русского искусства Юрий Рябов и Владимир Тертерников или художницы-иконописцы Римма Ивановна Нератова и Зина Редько, или писательница Клеопатра Болотина, или Борис Андреевич Филиппов, глава издательства «Международное литературное содружество», или художники Олег Соханевич, Алексей Шлиппе, Василий Ситников и выдающаяся мировая известность Джон Грэхем (он же Иван Грацианович Домбровский), гуру, то есть интеллектуальный ментор Джексона Поллока, Виллема де Кунинга и Аршила Горки, родоначальников школы Нью-Йоркского абстрактного экспрессионизма,

Каждый из них не соответствовал общепринятым стандартам. Например, Джон Грэхем не уступал своим эксцентричным поведением и женолюбием Пабло Пикассо. Он, как вспоминает Сергей Голлербах, в последние годы жизни *«...стал писать автопортреты, изображая себя обнажённым до пояса, с бритой головой и оселедцем, с саблей в руках. А сверху – число 666, число дьявола».* В своей небольшой книжечке «Система и диалектика искусства» Джон Грэхем неллицеприятно по отношению к самому себе обобщил свой личный опыт: *«Любовь и секс – существенные элементы всей жизни, но манипулирование ими приводит к искажению понятий, к вожделениям, загнанным внутрь, к воображаемому равновесию и, в конце концов, к катастрофе».*

С особой теплотой говорится в книге Сергея Голлербаха о Ренэ Герра, его французском друге, слависте и хранителе огромного творческого наследия писателей и художников Зарубежной Рос-

сии. В частности, об организованной им в 1992 году в Ницце большой выставке под названием «Сто пятьдесят лет присутствия русских на Юге Франции». К тому же Ренэ Герра познакомил Сергея Голлербаха с талантливыми людьми, приезжающими из России, в том числе с жившим в Санкт-Петербурге художником Завеном Аршакуни, потомком армянского царя Аршака, чьи картины напоминают творчество Павла Филонова.

«Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были»

Откуда родом сам Сергей Голлербах, читатель узнаёт из его двух эссе: «Из рассказов моей матери» и «Ещё из рассказов моей матери».

Любое живое существос момента его появления на божий свет, инстинктивно ждёт заботы о себе тех, кто его породил. Для людей эта забота проявляется ещё и в создании вокруг новорожденного атмосферы душевной теплоты и любви. В традиционных и дружных семьях это, как сейчас сказали бы, благоприятное биополе сохраняется на протяжении жизни каждого из её членов.

Сергею Львовичу повезло. Он родился в семье с христианскими традициями. Его дед с материнской стороны, Алексей Алексеевич Агапов был директором Воронежского кадетского корпуса. Соответственно должности он имел генеральское звание. У деда было боевое прошлое. Ещё молодым офицером он сражался в Сербии против турок. Как пишет Сергей Голлербах, род Агаповых происходит из староверов. Этимология их фамилии восходит к древнегреческому слову *agapē*. В переводе на русский язык – «любовь». У первых христиан «агапии» *«представляли собеседования в братской любви, в которых участвовали только мужчины»*.

Обращусь снова к первоисточнику, чтобы получить более подробную информацию о семье деда Сергея Голлербаха. В 1908 году Алексея Алексеевича Агапова назначили генералом для особых поручений при Великом князе Константине Константиновиче, и он с семьёй переехал в Царское Село (с 1937 года город Пушкин): *«Семья его – это жена Александра Алексеевна, урождённая Удальцова, и двое детей – сын Сергей и дочь Людмила, моя мать. Сергей стал офицером 2-го Лейб-гвардии Царскосельского полка, а моя мать закончила с золотой медалью женскую гимназию и хотела поступить на Бестужевские курсы, но отец запретил. Генерал Агапов скончался в 1912 году от белокровия, всего пятидесяти двух лет от роду»*.

Рассказы матери Сергея Голлербаха восстанавливали для него то время и ту среду, когда он ещё не родился – жизнь Царского Села, которая вращалась вокруг Двора. Надо ещё иметь в виду, что брат матери Сергей, молодой офицер, нёс караульную службу во дворце и делился с сестрой своими впечатлениями о деталях повседневного быта семьи Николая II: *«Так мой дядя Серёжа сказал моей матери, что на десерт царской семье подали грушу в бокале сладкого белого вина. Мне это показалось чем-то прямо божественным. Какая тонкость! Моя мать часто упоминала фамилии, для меня тогда ничего не значившие – Вырубова, Ренненкапф, Нессельроде, Пистолькорс, Палей. Я знал также, что её близкой подругой была Наташа Белая, дочь генерала Белого, защитника Порт-Артура во время Русско-японской войны. Мне ясно потом стало, что моя мать, генеральская дочь, была тогда либеральной и рвущейся из оков сугубо монархической семьи. Она дружила с такими же дворянками либеральных взглядов... (...) А потом началась Первая мировая война, принесшая конец старой Европе».*

Война была началом конца той размеренной жизни в достатке, которую вела семья Агаповых. Она ещё более усугубила разрыв между обществом и его элитой. Народ окончательно потерял веру в справедливого царя, своего заступника перед алчными боярами. Короче, грянуло то, чего с нетерпением ждала и к чему стремились радикально настроенная интеллигенция – революция.

Сергей Голлербах приводит в своей книге один эпизод из того приснопамятного предреволюционного времени. Лучшего свидетельства взаимонепонимания между «верхами» и «низами» русского общества трудно найти: *«Четыре дочери Государя сразу же стали сёстрами милосердия, хотя медицинского образования у них не было. В Царском Селе ходил такой слух: одна из Великих княжон зашла в лазарет с ранеными солдатами и услышала стон одного из лежавших на койке. «Что с тобой, милый?» – спросила она солдата. – «Ох, смертушки, срать хочу!». Великая княжна не знала этого грубого русского глагола. Вздохнув, она произнесла: «Как благородно умирает русский солдат», – перекрестила его и пошла дальше».*

Произошло ли это описываемое событие на самом деле или принадлежит фольклору, относящемуся к тем историческим дням, не столь уж важно. В конце концов, грянуло, что ожидалось, да к тому же с такой озлобленной силой, что зашатались и рухнули многие устои нормальной человеческой жизни. С революцией

и гражданской войной пришли голодные годы, огрубление нравов и рождение пролетарской культуры. Семейные драгоценности Агаповых незаметно разошлись по избам зажиточных крестьян в обмен на продукты питания. Однако, как утверждает Сергей Голлербах, «...ещё существовали оазисы старых дореволюционных нравов и правил поведения, и я с улыбкой вспоминаю эти, теперь уже совсем древние, годы моей детскосельской юности».

Оазисы старых нравов существовали, но, как отмечает Сергей Голлербах, «...дети этих интеллигентных родителей жили как бы двойной жизнью». Они знали о массовых арестах и ссылках. И всё-таки не все из них обладали достаточной силой духа, чтобы не вляпаться во что-нибудь мерзопакостное и постыдное. Всё это так. Вместе с тем образы людей позавчерашнего дня, дедушек и бабушек его самого и друзей его семьи, не исчезли из сознания Сергея Голлербаха. И не только его одного. Эти редкие люди подтверждали своей нравственной жизнью стихотворение Василия Жуковского: «О милых спутниках, которые наш свет / Своим сопутствием для нас животворили, / Не говорил с тоской: их нет; / Но с благодарностию: были».

Эпилог

Как известно, умных на свете много, тех, кто себе на уме, — ещё больше, а вот мудрых — на пальцах можно пересчитать. А всё потому, что, как говорил философ Иммануил Кант, «...большое честолюбие издавна развращало благоразумных».

Сергей Голлербах — человек в чём-то благоразумный и осторожный, а в чём-то рискованный. Его привлекают разные люди, какими бы они ни были. До сих пор он не теряет к ним интереса и остаётся стойким к искушению славой.

Находясь под впечатлением от какого-нибудь человека, Сергей Голлербах в своих прежних книгах размышлял, почему именно та или иная личность оказалась для него притягательной и запоминающейся. Иногда контраст среды и человека, в ней находящегося, озадачивал его самого. Словно он рассматривал фотографии Чукотки в контексте Французской Ривьеры, экспонируемых в отеле «Негреско». Некоторые его словесные зарисовки в предыдущих сочинениях завораживали читателя ещё и тем, что представляют взгляд из нереальности в неизвестность.

Большинство персонажей новой книги Сергея Голлербаха — люди, ему хорошо известные. В его нынешней галерее почти нет

портретов незнакомцев. Это либо коллеги по искусству, либо друзья, либо знаменитости, с которыми очень короткое или долгое время он непосредственно общался или же мысленно представлял по воспоминаниям своей матери. Все они, живые или ушедшие из жизни, – это беженцы, – те, кто по разным причинам оказались вне российских пределов. Недаром основные темы книги так или иначе определяются двумя мучительными вопросами: «Кто виноват?» и «Что делать?», а ещё добавленным к ним вопросом-предупреждением, вызываемым пребыванием этих людей не на родной земле, а на чужбине: “Неужели и русский язык «подыхает»?” Сергей Голлербах отвечает на него уверенно и образно: *«Надеюсь, нет. Он только гнётся, как лоза от ветра времени»*. Проницательный художник знает причину того, почему неуничтожима его родная речь, где бы она ни звучала: *“В русском языке есть слова «благовоние» и «зловоние», наделяющие запахи моральными качествами”*.

Содержание книги Сергея Голлербаха отвечает на вопрос поставленный им же самим: “Можно ли смотреть на будущее с улыбкой». «Можно!» – уверяет художник, делая при этом одно уточнение: *«Если это улыбка понимания всей сложности и непредсказуемости человеческих жизней, неизбежности ошибок и невозможности их осознать вовремя. Верующие люди говорят: человек предполагает, а Господь располагает”*.

И ещё один весомый аргумент, подкрепляющий его веру в будущее человечества, приводит Сергей Голлербах: *“В одном из своих стихотворений поэт Бахыт Кенжеев говорит о муравье, который, вылезши наружу, «лапкой мир благословил». Пока это благословение действует, мы можем жить”*.

Оскудевает мир мудрыми людьми. Предприимчивых, бывалых, умелых – сверх меры. А вот мудрых – с гулькин нос. Но всё-таки они существуют. И среди них – Сергей Львович Голлербах, действительный и действенный патриарх русского искусства.